

АВТОР, КНИГИ КОТОРОГО ПРОНИКАЮТ В САМОЕ СЕРДЦЕ!

ТАТЬЯНА КОГАН

ЧУЖИЕ
ИГРЫ

Бог в человеческом обличье

Чужие игры. Остросюжетные романы Т. Коган

Татьяна Коган

Бог в человеческом обличье

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1312.4
ББК 84(2Рос=Рус)644

Коган Т. В.

Бог в человеческом обличье / Т. В. Коган — «Эксмо»,
2015 — (Чужие игры. Острсюжетные романы Т. Коган)

ISBN 978-5-699-82112-9

Олег Громов мечтал познакомиться с Ильей Крестовским, солистом и автором песен модной группы «Waterfall». Громов считал, что нашел родственную душу, читавшую его мысли и облакавшую их в безупречную звуковую форму. Поскольку свести знакомство с музыкантом обычным способом Олег не смог, он придумал дерзкий и хитроумный план. Однако воплотить его в жизнь так и не удалось... Популярный рок-музыкант Илья Крестовский находился в творческом кризисе. Уже год ему не удавалось сочинить ни одной строчки! В поисках озарения Илья в одиночестве уехал в маленький городок, где печально бродил по улицам, не общаясь даже с женой. Закончилось это плачевно: во время одной из таких прогулок музыканта похитили и, словно издеваясь над ним, потребовали... написать новую песню!

УДК 821.161.1312.4
ББК 84(2Рос=Рус)644

ISBN 978-5-699-82112-9

© Коган Т. В., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Татьяна Коган
Бог в человеческом обличье

© Коган Т. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Глава 1

Свет был такой яркий, что на мгновение ослепил. Толпа замерла, загнипотизированная бьющими из софитов лучами, и тут же вздрогнула, застонала, рванула вперед с еще большим остервенением. До начала концерта оставалось полчаса, а зал уже был набит под завязку.

Темноволосый коренастый парень в сером кожаном пиджаке ловко пробирался сквозь людскую стену, не обращая внимания на летевшие вслед выкрики. Он упорно приближался к сцене, прокладывая дорогу между сгрудившимися в фан-зоне зрителями. На его лице застыло выражение досады и упрямства. Казалось, он один осознавал суть предстоящего события и не понимал, что здесь делают остальные люди. Разве они способны постичь настоящий смысл? Они пришли выпить и подергаться под песни известной группы. Ими двигало эгоистичное желание развлечься, хорошо провести время. Он единственный из тысяч псевдофанатов действительно заслуживал право слышать и видеть любимого музыканта – так близко, как только возможно.

Его звали Олег Громов, однако реальному имени парень предпочитал прозвище Гром. Оно гораздо лучше отражало его натуру и душевное состояние. Особенно в последнее время. Он пришел на концерт популярной альтернативной рок-группы, чтобы решить для себя очень важный вопрос.

Что делать дальше?

На сцене возникло какое-то движение, и толпа заревела. Гром напрягся, вглядываясь в полумрак в дальнем углу площадки. Это всего лишь технический рабочий в очередной раз проверил кабели и подключение аппаратуры. Ожидание действовало на нервы. Но Олег прекрасно знал, что выступление не начнется раньше объявленного срока.

Впервые Гром услышал «Waterfall» пару лет назад. Он вел машину с включенным радио, когда из динамиков грянул протяжный гремящий звук бас-гитары, и сразу за ним – приглушенный, уставший, страдающий голос. Это было так мощно и необычно, что Гром свернул на обочину и остановился. Он не мог бы назвать себя меломаном. Он не ходил с плеером, как его ровесники. Не разбирался в современных музыкальных течениях. Он даже в клубы редко навещался, – и то лишь после долгих уговоров друзей.

Когда прозвучал последний аккорд, Олег вырулил на дорогу и поехал дальше, стараясь переключиться на предстоящие дела. Однако услышанная песня не покидала его голову. Поздно вечером, вернувшись домой, он первым делом метнулся к компьютеру и забил в поиске запомнившуюся строчку.

Выяснилось, что состоящая из трех человек группа пять лет назад с оглушительным успехом ворвалась на музыкальный олимп, выпустив дебютный альбом. Критики сходили с ума, пытаясь охарактеризовать стиль их музыки. «Waterfall» называли и психоделическим роком, и брит-попом, и арт-роком. Мгновенно образовавшаяся армия поклонников сошлась в одном: новая группа впитала в себя элементы самых разных направлений. Соединившись в единое целое, они превратились в особый, уникальный, узнаваемый стиль. Главными составляющими стали пробирающий хрипловатый баритон вокалиста, мелодичные гитарные риффы, оркестровые и клавишные аранжировки.

Это было ново и качественно и не могло оставить равнодушным. Слушатели или сразу же очаровывались, или проникались неприязнью. С осторожной заинтересованностью Гром скачал один альбом. Затем второй. Пересмотрел все видео с выступлений. Перечитал все интервью.

Нет, ему не понравились песни «Waterfall». То, что испытывал Олег, было гораздо глубже, чем просто удовлетворение от хорошей музыки. Ему казалось, он нашел родственные души, читавшие его мысли и облекавшие их в безупречную звуковую форму.

Никто не удивляется историям о том, как одна книга изменила чью-то судьбу, перевернула мировоззрение и уклад жизни. А когда речь заходит о музыке, подобное вызывает как минимум сомнение. Ведь даже самая вдохновляющая песня – всего лишь песня, набор звуков, несерьезная потеха. В лучшем случае она повлияет на твое настроение.

У Олега было другое мнение.

– Эй, подвинься! – Тщедушный подросток нахально толкнул его в плечо и попытался протиснуться к сцене, но, встретив недобрый, застывший взгляд, смешался и отступил.

Гром презирал фанатов. И не считал себя одним из них. Да, возможно, некоторые знали о группе столько же, сколько и он – от биографий до размера ноги вокалиста. Но никто не чувствовал его так, как чувствовал Олег. Когда встречаешь в чужом человеке собственное «я», мир переворачивается.

Сперва Гром с одинаковым интересом следил за судьбой троих музыкантов, но постепенно образ лидера вытеснил остальных. Илья Крестовский был ядром коллектива. Именно он писал музыку и тексты. Двое других участников лишь помогали ему шлифовать шедевры. Бесспорно, ребята были талантливые. Но по сути являлись красивой рамкой для гениальной картины. Без Крестовского они бы не представляли особой ценности.

Чем больше Олег вслушивался в слова песен, тем сильнее хотел узнать личность человека, создавшего их. Несмотря на популярность, информации о группе было немного. Музыканты не жаловали журналистов и не распространялись о личной жизни. Пронырливым папарацци удавалось раздобыть отрывочные сведения, но эта жалкая капля в море не могла удовлетворить голод поклонников.

И тогда Гром решил действовать сам. На сайте группы нашел адрес электронной почты и написал Крестовскому письмо. Вежливое, сдержанное. Представился, сообщил, что уважает его творчество и крайне заинтересован в знакомстве или эпизодическом общении. Наивный порыв. Но Олег верил, что непременно получит ответ. Между ними существовала невидимая связь. На каком-то энергетическом уровне они не только знали друг друга, но были друзьями, братьями даже. Крестовский должен был это почувствовать.

Через неделю Олег и правда получил ответ. Сухими канцелярскими выражениями ему сообщили, что «Waterfall» признателен за проявленный интерес к группе и надеется увидеть поклонников на своем концерте.

Гром никогда не жаловался на недостаток внимания к собственной персоне. К 25 годам он отлично устроился. Отучился в престижном заграничном вузе, занимал руководящую должность в компании отца и в целом был доволен жизнью. Он редко получал отказы. Если ему сильно чего-то хотелось, собственная настойчивость и папины деньги рано или поздно приносили желаемое.

Впервые его запрос проигнорировали со столь холодной циничностью. Понадобилось несколько часов, чтобы унять негодование и взглянуть на произошедшее трезво. Скорее всего в обозначенный на сайте ящик вокалист даже не заглядывает. Ответы строчит пиар-менеджер. Следовало найти способ связаться с Крестовским напрямую.

Наверное, со стороны подобное поведение сильно смахивало на одержимость. Сам Гром не видел в своем намерении ничего нездорового. Многие дети богатых родителей растут с мыслью о том, что все в этом мире возможно, а любое желание осуществимо. Олег не был исключением. Часто отец заставлял его читать биографии великих людей, уверяя, что чужой успех вдохновляет. Но судьбы незнакомцев, пусть и преуспевающих, мало увлекали Олега. Он был сосредоточен на себе. До того момента, пока не услышал «Waterfall»...

– Поверить не могу, что увижу сегодня Илюшу! Он такой классный! – зашушукались стоявшие рядом подружки.

– Ты же знаешь, я больше от ударника тащусь! Он такой экспрессивный!

Гром отодвинулся на пару шагов в сторону, чтобы не слышать их пошлых реплик. Большинство фанатов видело в музыкантах лишь растиражированный образ, внешний облик, форму. Гром видел содержание.

Свет погас, погрузив зал в кромешную темноту. Толпа заулюлюкала. В ту же секунду прожекторы вспыхнули, выплюнув кроваво-красные, дрожащие лучи. По сцене поползли розовые клубы тумана, за которыми постепенно проступали три силуэта. Зрители заревели от восторга, и Олег ощутил, как невольно заряжается всеобщим ликованием. Это был не первый концерт «Waterfall», который он посещал, но каждый раз пульс предательски ускорялся, а в районе солнечного сплетения появлялась тягучая невесомость. Гром отказывался верить, что то же самое испытывают сейчас все остальные зрители. Нет. Его эмоции уникальны.

Первая порция низких вибраций прокатилась тяжелой волной. Барабанщик ударил по тарелкам, истерично взвизгнула гитара. Гром узнал мелодию. Это была одна из его любимых песен.

Солист сжал ладонью микрофон и навис над ним, словно бы примериваясь к стойке. Аккорд оборвался, барабаны забили тихий тревожный ритм. Илья пропел первую строчку, и зал подхватил, заволновался, взметнул к потолку тысячи рук.

Гром не отрываясь смотрел на кумира, впитывая каждую ноту, каждую вибрацию голоса, в котором было столько надрыва и нерва, сколько не способна вместить ни одна человеческая душа. Звук разрастался, обретал мощь; казалось, еще немного – и он разрушит бетонные стены и вырвется на свободу, погребя под обломками и оцепеневших зрителей, и самих музыкантов.

На огромных экранах мелькали то барабанные палочки ударника, то пальцы бас-гитариста, то сосредоточенное лицо солиста. Олег стоял от Крестовского в нескольких метрах, но понимал, что тот ни за что его не увидит, не разглядит среди темной беснующейся массы, бьющейся о края сцены. Это было обидно и унижительно.

Полгода назад Гром нанял частного детектива, и тот отлично справился со своей работой – предоставил массу информации о прошлом и настоящем Ильи Крестовского. Несмотря на кажущуюся разницу, у них с Громом имелось много общего. Только это ни капли не помогло Олегу: Крестовский по-прежнему игнорировал его письма, на телефонные звонки не отвечал, от выступлений на частных вечеринках отказывался.

Несколько раз Олег караулил кумира у подъезда его дома, но так и не отважился подойти и заговорить. Крестовский воспринял бы его как очередного фаната, расщедрился бы на автограф и сразу же забыл о его существовании. Олегу требовалось нечто совсем иное. Ему хотелось познакомиться на равных. Только так между ними смогли бы возникнуть правильные отношения.

– Я люблю тебя, Илюша-а-а-а! – проорала стоявшая впереди девушка. – Ты лучши-и-ий!

Гром был в отчаянии. Кажущее благополучие могло обмануть родных и друзей Олега, но не его самого. В огромной замысловатой конструкции, составлявшей его жизнь, не хватало одного важного элемента, крохотной детали, без которой механизм не работал. И плевать, что это напоминало наваждение. Все встанет на свои места, когда Гром добьется цели. Если добьется...

Песня сменялась песней, мелодичные композиции перетекали в резкие гитарные соло, ровный шепот срывался на крик... Солист стоял в круге мелькающего света, в простых джинсах и белой майке. Его голубые глаза блестели, по вискам тек пот, на шее над ключицей пульсировала вена. Его правое запястье обхватывал широкий кожаный ремешок – талисман, с которым Крестовский никогда не расставался. Возвышавшийся над зрителями певец казался богом в человеческом обличье. Живым и одновременно недоступным, непостижимым.

У Олега закружилась голова. Дыхание перехватило, ноги стали ватными. Он закрыл глаза, пытаясь отрешиться от терзающей зал энергии. И вдруг абсолютно четко понял, что нужно делать.

Глава 2

Две недели спустя

Из окна гостиницы открывался унылый вид на переулок и засаженный чахлыми деревьями сквер. Даже сейчас, в конце лета, когда зеленая трава и слепящее солнце придавали пейзажу жизнерадостности, это было не самое вдохновляющее зрелище, а уж как оно выглядит осенью – лучше вовсе не думать.

В наушниках играла «Purity» группы «Slipknot». Мрачная, странная песня как нельзя лучше соответствовала настроению Ильи. Он постоял еще какое-то время, невидяще глядя сквозь пыльное стекло, вслушиваясь в медитативные басы, и вернулся в спальню.

На кровати стояла спортивная сумка, на полу валялись кроссовки и полотенце, на тумбочке заряжался мобильный. На дисплее высвечивалось три не отвеченных вызова. Илье не нужно было проверять: он и без того знал, что звонила жена. Не очень-то он красиво себя ведет. Она переживает, а ему лень написать короткое сообщение с просьбой не беспокоиться. Илья отлично понимал, что не прав. Но угрызений совести не испытывал. Он устал. Когда *так* устаешь, перестаешь думать о других.

Илья повернулся к висевшему на стене зеркалу и усмехнулся собственному отражению. Никто бы не поверил, что известный на всю страну и за ее пределами музыкант, звездный фронтмэн рок-группы «Waterfall» Илья Крестовский уже вторые сутки прозябает в дешевом отеле в богом забытом городке Подмосковья.

Вряд ли бы кто-то понял, что им двигало. Три дня назад он вернулся домой после последнего в этом сезоне концерта, наскоро собрал сумку и уехал на вокзал. Купил в кассе билет на ближайший поезд и спустя несколько часов сошел на станции захолустного городка. Ему нужно было вырваться из Москвы. Во что бы то ни стало.

Гастрольный тур прошел на ура. Газеты пестрили положительными рецензиями, фанаты наводняли Интернет впечатлениями от концертов. Все без исключения считали, что «Waterfall» находится на пике своего творчества. И только Илья осознавал всю глубину подобного заблуждения.

Полтора года.

Целых полтора года он ничего не создавал.

Поклонники не чувствуют подвоха, продолжая смаковать два первых удачных альбома. Пока им еще хватает. Пока они еще не видят неминуемо близящуюся катастрофу. Но себя не обманешь. Илья перестал писать. И понятия не имел – сможет ли когда-то вновь.

Нельзя сказать, что он с детства грезил о карьере музыканта. Музыка являлась неотъемлемой частью его жизни, но он никогда не задумывался о ее значимости, как не задумываешься о воздухе, которым дышишь. Юный Илюша охотно ходил в музыкальную школу, но с не меньшим интересом посещал и разные секции. Он увлекался сотни раз, и сотни раз новый, яркий и, казалось, единственный смысл ослеплял и ускорял сердцебиение. В такие моменты Илье чудилось, что он нашел то самое. Цель, смысл, предназначение. На душе становилось легко, мир приобретал конкретные черты, становился простым и понятным. Ровно до того дня, когда ощущение новизны притуплялось.

Илья возвращался к фортепиано и гитаре и выплескивал свою обиду рвущейся из-под пальцев мелодией.

Верь он в Карму, его Карма носила бы имя Неопределенность. Словно бы в прошлой жизни он был непреклонным судьей и выносил безапелляционные приговоры. И теперь расплачивался.

Илья повзрослеет, сменит множество работ и увлечений. И однажды поймет, что по большому счету ничего не меняется. Как бы ни велико было стремление наполнять жизнь чем-

то новым – это всего лишь дорога, ведущая по кругу. Все повторяется. Все остается прежним. Ты испробовал так много, но ни в чем не нашел удовлетворения. И этот шум, назойливый, непрекращающийся шум в голове, в котором невозможно разобрать ни связной фразы, ни заметной интонации. Лишь одно слово, которое ты ненавидишь.

Неопределенность.

Зазвонил мобильный. Несколько секунд Илья колебался, затем вынул наушники и решительно взял трубку.

– Я уже думала, что ты никогда не ответишь, – с облегчением выдохнула Марина. – Куда ты сбежал? С тобой все в порядке?

– Прости, – не слишком искренне ответил он. – Захотелось побыть одному.

– Я могу чем-то помочь? – жена говорила бодро, изо всех сил маскируя обиду. Она никогда бы не опустилась до истерики или претензий. Илье с ней здорово повезло.

– Я исчезну на какое-то время. – Он помолчал. – Не теряй меня, ладно? И не паникуй. Мне просто нужен перерыв.

– Перерыв? – Марина хотела сказать колкость, но удержалась. – Что случилось? Я не понимаю.

– Ничего не случилось, – он начинал раздражаться. – Давай отложим этот разговор до моего возвращения.

В трубке повисла тишина. Илья сел на кровать и повалился на спину, в изнеможении закрыв глаза. Необходимость отчитываться и объяснять свои поступки выводила его из себя. Почему нельзя жить проще?

Жена будто почувствовала его состояние.

– Хорошо, Илюш, если тебе это нужно... – она осторожно вздохнула. – Что передать парням? Они будут спрашивать.

– Передай – пусть не парятся и отдыхают. У нас целый месяц свободный.

– Ладно, – Маринин голос звучал расстроено. При других обстоятельствах Илья бы постарался проявить чуткость и утешить ее, но сейчас жаждал поскорее завершить беседу.

– Целую. Не грусти, – бросил он и поспешно нажал на «отбой».

Нехороший получился разговор. Потом он обязательно извинится за свою грубость.

Они познакомились семь лет назад. Ему тогда было двадцать, Марине – двадцать семь. Она работала терапевтом в городской поликлинике, а он метался от одного дела к другому, не зная, чему отдать предпочтение. Марина казалась такой взрослой, умной, уверенной. Ее жизнь напоминала расписанный по минутам график, где все четко и просто. Ни рефлексии, ни терзаний о будущем. Рядом с ней Илье становилось спокойнее. Именно Марина подтолкнула его к тому, чтобы всерьез посвятить себя музыке. Через полгода после знакомства он сделал ей предложение, и она согласилась. А еще через полтора года он записал первый альбом.

Илья до сих пор толком не понимал, как это произошло. Он набросал несколько композиций и показал их двум товарищам. С Мэтом и Крепостным они дружили еще со школы. В старших классах они даже организовали собственную группу. Матвей был ударником от бога, а Крепостной недурно играл на бас-гитаре. Какое-то время они активно репетировали, и вскоре у них стало получаться. Но начались выпускные экзамены, затем вступительные, и встречи плавно сошли на нет. Учась в разных институтах, друзья поддерживали отношения, но идея о создании собственной группы больше их не посещала. До того момента, как Илья не встретил Марину.

Наверное, метафизические метания юнца забавляли ее, но она никак этого не выражала. Наоборот, с предельной внимательностью выслушивала сомнения, задавала наводящие вопросы и деликатно подсказывала решения. Никогда и ни с кем прежде Илья не проявлял такой откровенности. Эта легкость окрыляла, заставляла поверить в невозможное. Когда он наигрывал Марине только что сочиненную мелодию, она цепенела от восторга. Подобная реак-

ция здорово вдохновляла. Илья продолжал сочинять, чтобы снова увидеть собственное отражение в больших, широко распахнутых, влюбленных глазах.

Любил ли он сам? Было бы проще, существуй универсальное определение любви. Прежде он испытывал увлеченность, признательность и азарт, теперь – нежность, признательность и усталость. По большому счету они были совершенно разными людьми...

Пожалуй, стоило пройтись. Оставаться в четырех стенах наедине со своими мыслями – занятие на любителя. Тем более что провинциальные городки – настоящий подарок для мало-мальски известного артиста. Можно смело гулять по улицам без боязни быть узанным. Даже если прохожему покажется знакомым твое лицо, вряд ли он придаст этому значение. В самом деле, каким ветром занесет звезду в глухомань? Звезды предпочитают мегаполисы.

Илья достал из сумки чистую футболку и направился в ванную, когда внезапно почувствовал на себе чей-то взгляд, словно кто-то уставился ему в затылок. Илья оглянулся. В комнате никого не было. Лишь на оконном стекле бликовало мягкое вечернее солнце.

Он долго стоял под душем, стараясь избавиться от неприятного ощущения присутствия посторонних глаз. Странно, почему он так разнервничался?! Обычно мыслил рационально. Допускал мистические явления, но скорее как гипотетическую вероятность, нежели объективную реальность. А сейчас и прецедента не имелось. Подумаешь, померещилось черт знает что. Зачем себя накручивать?

Вышел из номера, когда уже смеркалось. Пересек переулок, обогнул сквер и двинулся наугад по широкой, унылой улице. Редкие прохожие неторопливо шагали по тротуару, автомобили ехали тихо и словно бы заторможенно. И невысокие старые дома, и понурые от жары деревья, и немногочисленные горожане казались придавленными тяжелой, монотонной тишиной. Возникни у Ильи вдохновение, он бы описал этот городок в минорных, тревожных тонах.

Он слонялся бесцельно, поддавшись нахлынувшей апатии, и почти ни о чем не думал. Вряд ли он верил, что неожиданный побег поможет найти ответы. Но надеялся, что одиночество создаст благоприятный фон для попытки разобраться в самом себе.

Проходя мимо красивого, отреставрированного здания, Илья остановился. Из распахнутых настежь дверей доносились голоса и звуки танго. Вывеска на стене гласила: «Милонга Сентиментале».

В такой дыре танцуют аргентинское танго? Илья присвистнул от удивления. Надвинул козырек бейсболки пониже и неуверенно вошел внутрь. В небольшом зале с приглушенным светом танцевали несколько пар. За расставленными по периметру столиками сидели еще человек двадцать. Справа, в дальнем углу, располагалось что-то вроде барной стойки. Илья последовал напрямик туда. Заказал пиво и стал наблюдать за танцорами.

Публика подобралась разношерстная, уровень владения танго – примерно одинаковый. Никто не пытался изображать страсть, все двигались чинно и плавно. Илья неодобрительно хмыкнул. Зачем учиться самому темпераментному танцу на Земле, чтобы потом гасить его однообразными, правильными до оскомины движениями?

Стоявшая за барной стойкой девушка то и дело бросала на Илью быстрые взгляды. Он убрал со стола руки и развернулся к залу, чтобы не смущать ее своим неподобающим видом. Он и правда не слишком вписывался в окружающую обстановку. Татуировки на предплечьях, сережка в ухе, расхлябанные джинсы... Он смотрелся гармонично на сцене с электрогитарой в руках перед беснующейся толпой, а никак не в этом одухотворенном, старомодном сообществе.

А между тем (фанаты об этом не узнают никогда) Илья довольно хорошо танцевал танго. Марина буквально силой приволокла его на пробный урок, а потом сто раз пожалела. В новый опыт Илья нырнул с присущей ему страстностью, и Марина не успевала за его скоростью, терялась. Уже в первый год обучения, будучи лишь поверхностно знаком с основами, он пытался

экспериментировать. Получалось неидеально, неровно, но партнерши оставались довольны. Жена продержалась несколько месяцев и бросила занятия.

Илья уже давно не танцевал танго. Увлечение прошло, появились другие интересы. Имидж тоже требовал определенных ограничений. Поклонники не умеют да и не хотят видеть в своем кумире разностороннюю личность. Жизнеспособный идол должен быть одноцветным, монолитным, удобным для обожания.

Илья машинально крутил кожаный ремешок на запястье и изучал сидящих девушек. Каждая жаждала быть приглашенной. Одна демонстрировала это явно: ловила мужские взгляды, улыбалась, качала ножкой. Другая вела себя сдержанней: следила за парами и нетерпеливо кусала губы. Третья стыдилась необходимости ждать, когда ее выберут, и делала вид, что не слишком рвется на танцпол: копалась в сумочке, посылала sms, подливала минералку в полный бокал. Последние привлекали Илью сильнее остальных. Такие гордячки обычно оказываются не просто отзывчивыми, но готовыми на смелые эксперименты.

Диджей включил «Либертанго» Астора Пьяцоллы. Великолепная мелодия, одна из лучших у этого композитора.

Илья встретился взглядом с симпатичной молодой женщиной, сидевшей в нескольких метрах от него. Он двинулся к ней, чтобы пригласить на танец, но внезапно передумал и направился к выходу из зала. Девушка разочарованно повела плечом, но Илья этого уже не увидел.

На улице посвежело. Илья вставил в уши наушники, выбрал трек и нажал на «play». Он рассчитывал немного пройтись, а затем спокойно вернуться в гостиницу, завершив еще один бессмысленный день.

Он загулялся до полуночи, плутая среди безликих пустынных переулков. Было темно. Лишь в редких окнах горел свет. Начал накрапывать дождь. Илья шел неторопливо, наслаждаясь пасмурным вечером. Ему нравилось темное время суток. Ночь пахнет по-особенному. Иногда после концерта он садился в машину и гнал в неизвестном направлении. В открытые окна врывался ветер, мигающие огни проносились мимо. И чем заметнее стрелка спидометра отклонялась вправо, тем спокойнее билось сердце. Тревоги и заботы оставались где-то позади, голова становилась легкой, пустой.

Впереди маячила автобусная остановка. Илья собирался поймать такси, но вздрогнул от неожиданности, когда рядом затормозил автомобиль. Он обернулся и ничего не увидел. Совсем ничего. Только почувствовал – сначала резкий больничный запах, а затем падение.

Похоже, ему снился кошмар. Он просыпался, делал попытку встать с кровати, чтобы добраться до холодильника и достать минералку, но тело не слушалось. Неужели заболел? Но с чего вдруг? Мышцы налились тяжестью, было трудно просто протянуть руку, чтобы взять телефон и посмотреть время. Тело будто онемело; кончики пальцев покалывало. Илья с трудом разлепил веки, надеясь по картине за окном определить время суток. Резкая головная боль заставила его закрыть глаза. Он провалился в дремоту.

Он то просыпался, то вновь впадал в странное забытие. Ночь длилась бесконечно. В какой-то момент Илья почувствовал себя лучше и смог разомкнуть веки. В помещении было темно, смутно угадывались стены и дверь. Что-то в окружающей обстановке показалось ему странным. Он не удивился. Вероятно, непривычное состояние являлось признаком зарождающейся болезни. Ангина, что ли?

Голова по-прежнему раскалывалась. Илья пошарил рукой на тумбочке, где оставлял мобильный, но телефон не обнаружил. Он приподнялся, чтобы посмотреть в окно. Окна не было.

Илья бесшумно рассмеялся. Похоже, у него жар и галлюцинации. Он уткнулся лицом в подушку и какое-то время лежал не двигаясь. Затем решительно поднялся, нащупал стену и стал продвигаться вперед. Добравшись до двери ванной, включил свет и зажмурился. Снял

одежду, залез под душ, повернул вентиль холодной воды и сразу же почувствовал, что окончательно проснулся.

Вернулся в комнату, уговаривая себя не паниковать. Всему есть логическое объяснение. Очевидно, что он не спал. Так же очевидно, что это не гостиничный номер. Свет из открытой двери ванной рассеивал сумрак комнаты. Помещение напоминало благоустроенный подвал без окон. Гладкие серые стены, ламинатный пол. Из мебели – узкая кровать с металлическим изголовьем, стол и стул. В дальнем углу – витая лестница наверх, тоже металлическая.

Илья медленно поднялся по ступеням и замер перед массивной деревянной дверью. Подергал за ручку – заперто. Толкнул плечом, но дверь даже не дрогнула.

– Эй! – позвал он и снова покрутил ручку. – Есть кто живой?

Никто не ответил.

Бессмыслица какая-то. Илья похлопал по карманам джинсов – ни мобильного, ни бумажника. Забрали даже ключи и наушники.

«Ну, хорошо. – Илья попробовал включить логику: – Если меня хотели просто ограбить, то зачем приволокли в это место?»

Он спустился по лестнице, сел на кровать и открутил события назад. На милонге он выпил лишь одну бутылку пива. Ни с кем не флиртовал, не танцевал, не общался. Спокойно вышел из здания, побродил по улицам. Никто его не узнавал, не останавливал, не просил автограф. Воспоминания обрывались на том месте, когда сквозь игравшую в наушниках музыку он различил движение за спиной. Последнее, что запомнил – омерзительный запах лекарств.

Его что, усыпили эфиром, как в старом добром кино?

Серьезно?!

В голове проносились десятки вариантов, рациональных и не очень рациональных причин. Порой возникали совсем уж абсурдные гипотезы. Например, Илья мог не заметить, как напился до поросычьего состояния, подцепил дамочку и провел ночь у нее дома. Внезапно появился ее муж, и она спрятала любовника в подвале, а утром вместе с благоверным ушла на работу. В таком случае вернется в обед или вечером и выпустит горе-любовника на волю.

Наиболее вероятной была иная версия: кто-то все-таки признал в нем лидера известной группы и решил похитить с целью выкупа. Хотя на спонтанное похищение это не очень-то походило. Усыпляющее средство, подготовленный подвал – в ванной нет зеркала, бритвы или иного гипотетически опасного предмета. Скорее всего за Ильей уже давно следили, выжидая удобный момент. В таком случае его внезапный побег из Москвы сработал им на руку. В данной версии непонятно только одно: почему похитители не выбрали более обеспеченную жертву? Илья нормально зарабатывал, но богачом не являлся.

Окончательно измучившись поиском ответов, он решил занять выжидающую позицию. Тем более ничего другого не оставалось. Виновник этого бреда рано или поздно объявится и поведаст о своих намерениях. А пока неопределенность снова подмигивала Илье. Он громко рассмеялся.

Глава 3

– В детстве, на тренировке, когда мы качали пресс, тренер говорил: «Делаем до предела. После того как почувствуете, что больше не можете, – делаете еще столько же. А после того, как не сможете реально, – делаете еще несколько раз», – Вика усмехнулась и поднесла мобильный к другому уху. – Иногда мне кажется, что я больше не могу ждать. А потом проходит еще один день, и еще один, и еще. А я до сих пор функционирую и даже не сошла с ума... – Она помолчала. – Знаешь, Сема, давай позже поговорим. Сейчас я не самая коммуникабельная.

Она положила трубку прежде, чем друг на другом конце провода успел отреагировать.

Это было отвратительное, тягостное лето. Больше всего на свете Вика не любила ждать. Лето проходило под знаком ожидания. А началось все в конце весны. Она листала какой-то журнал, задержалась взглядом на красочной картинке... Впрочем, нет. Началось все гораздо раньше.

Вика никогда не отличалась спонтанностью. Даже свою будущую профессию она спланировала в детстве. Ей нравилось играть в библиотекаря, брать книги с полки и выдавать воображаемым школьникам. Любимым развлечением с пяти лет было бродить между стеллажей в книжном магазине. Маленькая Вика выбирала приглянувшийся томик и деловито листала страницу за страницей, делая вид, что погружена в чтение. Продавцы узнавали странного ребенка в лицо и всю потешались. Они абсолютно точно знали, что ребенок читать не умел.

В семь лет, едва научившись составлять слоги, Вика издала первую книгу. Книга была размером с ладонь, склеена из клетчатых листочков бумаги, напечатана фломастером, оформлена в дизайнерских традициях советского книгоиздания. Не так давно, ковыряясь в родительском гараже, девушка отыскала свою первую опубликованную книжку. Один уголок был немилосердно отъеден мышами, но в целом фолиант сохранился. Раньше все делали на века.

Словом, практически с младенчества Вика Волина знала, что станет писателем.

И стала.

Гениальностью она не отличалась, но писала неплохо. Тиражи раскупались, в прессе появлялись пристойные отзывы, и даже поклонники присылали письма, в которых благодарили за творчество. Все шло по плану. Пока в один не самый прекрасный день Вика не осознала, что больше не может писать.

Волина не верила в музу и вдохновение. Бывали моменты, когда писалось легче, бывали – когда тяжелее. Обычный рабочий процесс, лишенный неуловимых иллюзорных вибраций, байками о которых так грешат творческие люди. Нужно заставлять себя работать вне зависимости от погоды, желания или настроения. Нет в писательском труде никакого волшебства и возвышенных субстанций. Сплошная логика и математика. Выделить центральные линии, добавить интригу, правильно скомпоновать составные части – и вот тебе нормальный, добротный роман.

Так Вика считала ровно до того момента, пока не открыла документ Word и не смогла напечатать ни единого слова. Первый раз она не придала этому значения. На второй заволновалась. На третий запаниковала. День за днем она сидела перед ноутбуком не в состоянии выдать ни строчки. В голове роились сотни идей, но ни одна не воплощалась в словесную форму. Волина выбегала на улицу, пытаясь уловить в воздухе новый сюжет, который бы заставил ее пальцы лихорадочно порхать по клавиатуре. Тщетно.

На фантазию Вика не жаловалась. Проблема была в другом. Ей требовался замысел, способный взорвать мозг, стереть все желания, кроме одного-единственного – поскорее зафиксировать мысль на бумаге. Но такого замысла не возникало.

Издатели звонили с завидной регулярностью, интересовались, как идет процесс создания очередного романа. Сначала Вика врала, что все под контролем, она пишет и скоро пришлет рукопись. Затем говорила, что пребывает в краткосрочном творческом кризисе. А потом перестала отвечать на звонки.

За последние пять лет она опубликовала девять книг. Каждое утро последних пяти лет ей было что сказать. Каждый день последних пяти лет наполнял ее восторгом, а каждый вечер – удовлетворением от удачно выполненной работы. Внезапно привычный график рухнул ко всем чертям. И чем отчаяннее Вика пыталась восстановить его, тем призрачнее он становился. Из жизни ушло нечто важное, придававшее смысл существованию. И Вика была бессильна что-либо изменить.

Она продолжала ходить на работу. Ненавязчивая должность офис-менеджера позволяла не ждать гонорара от продаж книг, а иметь небольшой, но стабильный доход. Но когда к обеду срочные дела были решены, а писать книгу не получалось, становилось невыносимо скучно. Вика подпирала кулаком подбородок и смотрела в окно, чувствуя себя бездарной актриской, отыгравшей в массовке и непонятно зачем задержавшейся на съемочной площадке.

Вечерние сумерки опускались на город, извещая о конце рабочего дня. Вика возвращалась домой, наливала чай и снова глядела в окно. Прохожие спешили куда-то. О, как она завидовала им! Ведь у каждого из них была какая-то цель. Пусть ничтожная, но все-таки цель. Выгулять собаку, приготовить ужин, не пропустить сериал, позвонить приятелю, поделиться сплетнями, успеть на спектакль, заскочить в магазин...

Тысячи горящих окон кричали о своей востребованности в ночную пустоту. В ее окне было темно. Она не включала свет, чтобы не видеть в зеркале одинокого отражения. Раньше Вике не пугало одиночество. Любимое занятие спасало от ненужной рефлексии. Мужчины появлялись и исчезали – а творчество оставалось. А теперь... Вика сидела в четырех стенах с желтыми, почти бесцветными обоями (сколько раз собиралась поклеить новые!) и чувствовала себя такой же бесцветной, покрытой тонким слоем пыли...

Викой завладела беспросветная, утомительная депрессия. Впервые в жизни присущее ей здравомыслие молчало и не подсказывало решение. До недавнего времени Волина знала, чего хочет и как этого добиться. Так что же изменилось сейчас? Ведь она так же полна сил и жаждет творить. Неужели она ошибалась, полагая, что вдохновение – это выдумка ленивых и бездарных? Легко ссылаться на отсутствие музыки, когда не хочешь работать или не наделен талантом. Неужели все эти годы пресловутая музыка незримо присутствовала рядом? В таком случае, почему она исчезла и где ее искать?

В новых знакомствах? Но люди стали раздражать Виду. Мысль о необходимости завести беседу с незнакомцем приводила ее в замешательство. В путешествиях? Она не любила смену обстановки. Друзья удивлялись: посещать разные страны так увлекательно! Вика улыбалась: бродить в книжном магазине куда интереснее. Подруги советовали увлечься тем, кто гарантированно не ответит взаимностью. Страдания пробудят сильные эмоции и поспособствуют творчеству. Волина отвергала и эту идею, ибо знала точно: от эмоционального дисбаланса рождается поэзия. А для прозы необходимы покой и душевная гармония.

Вика отдала бы много за крошечный намек, в какую сторону двигаться, чтобы восстановить утраченное умение. Она не верила в глобальный смысл жизни, единый для всего человечества, считая, что у каждого – свой собственный. Ее смысл был до смешного очевиден. Но с недавних пор недостижим.

Бессилие угнетало и нервировало. Вика почти жаждала отчаяния, ведь когда ни на что не надеешься, перестаешь злиться. Смирение – комфортный образ жизни для уставших от борьбы. Но она не отчаивалась, будучи уверенной, что любую ситуацию можно изменить. И этим лишь усиливала страдания.

Иногда у Вики мелькала мысль, что она слишком заиклена на своей цели. И эта заикленность активировала мерзкий, отвратительный принцип: «Судьба дает нам желаемое, когда мы научились обходиться без него». О нет! Волина не собиралась сдаваться. Пусть творческий кризис затянулся, пусть жизнь кажется пустой. Однажды непременно найдется правильный катализатор, который выведет ее из анабиоза.

Проходил месяц, второй, десятый – и ничего не менялось.

Весна промелькнула незамеченной. Конец мая выдался по-летнему жарким. Вика бродила по парку, куда часто навевывалась после работы. Сестра ждала на скамейке неподалеку от детской площадки.

– Я знаю, что тебя сто процентов выдернет из апатии, – вместо приветствия сообщила Рита.

Вика перевела взгляд на игравшихся в песочнице детей, потом снова посмотрела на сестру:

– Дай угадаю. Мне нужно родить ребенка?

Рита притворно нахмурилась:

– С тобой неинтересно. И да, роди ребенка. Тогда на рефлексию у тебя не останется ни сил, ни времени. И все наладится.

– Серьезно?

– Все будет хорошо.

– Это из книги «Тупые фразы, которые ничего не меняют»? – Вика уселась рядом и указала пальцем на сумку сестры. – Новая? Симпатичная.

– Не переводи тему! – Рита переставила сумку на другой край скамейки. – Дети – это цветы жизни.

– Мне больше деревья нравятся, – она улыбнулась, предчувствуя, какую вызовет реакцию. – Из них книги делают.

– Дурная ты, – рассердилась сестра. – Одержимость никогда ни к чему хорошему не приводила.

– Ты сегодня так и сыплешь штампами. Что, сын опять всю ночь орал, спать не давал? – подколола Вика. Они с сестрой никогда не были близки. Для Риты самым важным являлась семья, и она не только не понимала, но и осуждала тех, кто имел иные приоритеты.

– Ладно, не обижайся, – Вика примиряюще погладила ее руку и, заметив торчавший из сумки журнал, поинтересовалась: – Что за чтиво?

– Альманах путешественника. Выбираем с мужем, куда бы поехать.

Вика достала журнал и принялась листать его:

– Уже решили куда?

Рита пожала плечами:

– Куда-нибудь к морю, ясное дело. Я воду люблю.

– Почему не сюда? – Она указала на фотографию живописного водопада.

– Это что? – Рита прочитала подпись. – Ниагара. Круто, но много возни с визами в США или Канаду. Говорят, это крайне муторно. Да и десятичасовой перелет с ребенком это жуть.

Вика с интересом разглядывала картинку. В детстве они с сестрой часто играли в «Познавательную географию». Нужно было тянуть карточку с вопросом и быстро искать изображение ответа. Она всегда первой находила рисунок Ниагарского водопада, когда попадался вопрос о самом мощном и широком водопаде в Северной Америке. Снимок в альманахе был точь-в-точь как на карточке в детской игре – бурлящая водная подкова срывалась вниз и исчезала в белой дымке, в которой отважно маячил маленький кораблик.

Теплая волна прокатилась по телу. Ностальгия по детству? Вряд ли. Каким бы прекрасным ни было прошлое, Вика предпочитала настоящее. Даже такое, лишенное смысла.

По дороге домой она думала о картинке в журнале. Мозг, лишенный вектора, цепляется за любую деталь, лишь бы заняться видимостью дела.

Весь вечер она рассматривала в Интернете фотографии尼亚гарского водопада. Зрелище впечатляло. Однако не грандиозность природного памятника заставляла Волину вновь и вновь разглядывать снимки. Здесь таилась иная причина. Настолько желанная, что было страшно ее спугнуть. Вдруг это всего лишь иллюзия? Мифический спасательный круг, брошенный подсознанием?

До самой ночи Вика испытывала тягучее, будоражащее волнение. Такое бывает перед соревнованиями – когда предвкушаешь тяжелую борьбу, боишься проиграть и рвешься поскорее выйти на старт, чтобы перестать переживать и начать двигаться. Предчувствие то появлялось, обретая отчетливую форму, то рассыпалось в прах. Вика боялась озвучить эту странную, манящую мысль – вдруг, обретя словесную форму, та окажется глупой, нелепой?

Нужно переспать с этой мыслью. Сон – как скоростной инкубатор для идеи. Если она действительно стоящая, то к утру непременно созреет и вылупится.

Долго не получалось заснуть. И даже когда прозвенел будильник, Вике все еще казалось, что она так и не спала. При этом чувствовала себе отдохнувшей и свежей – впервые за долгие месяцы. Она улыбалась, когда намыливалась под душем. Когда наливала клубничный чай. Когда гладила брюки. Депрессия еще не кончилась, но, по крайней мере, впереди замаячил просвет. За ночь предчувствие окрепло. Вика доверяла интуиции – та проявлялась редко, но никогда не подводила. *Нужно съездить на Ниагарский водопад.* Именно там придет вдохновение.

Глава 4

Илья не знал, сколько прошло времени – похитители не позаботились о наличии часов в подвале. Но судя по тому, как желудок сводило от голода, минуло не меньше суток. Воду он пил прямо из-под крана.

Сначала было любопытно, потом скучно. Вскоре пришло беспокойство. Он не испытывал страха и не допускал мысли, что с ним сделают что-то плохое. Но почему его так долго держат в неизвестности? Поинтересовались хотя бы, кому звонить с требованием выкупа. Впрочем, телефон они изъяли, а значит, уже наверняка нашли номер жены. Илья представил лицо Марины, когда ей позвонят неизвестные и сообщат о похищении мужа. Когда они только встретились, она бы стойко приняла известие и сделала бы все возможное, чтобы поскорее выволочь заложника. Но за последние годы Марина сильно изменилась – стала мягкой, покладистой. Одному богу известно, как она поведет себя в стрессовой ситуации. Не стоило бы похитителям звонить ей. Они могли бы решить все вопросы непосредственно с самим Ильей. Он нервно зашагал по комнате.

Время тянулось издевательски медленно. Илья то старался заснуть, то взлетал по лестнице и колотил в дверь. Хуже всего было не отсутствие пищи, информации или возможности изменить ситуацию. Хуже всего была тишина. Илья никогда не расставался с плеером. Постоянно слушал музыку и даже не подозревал, как мучительно остаться без нее. Большую часть памяти его телефона занимала обширнейшая коллекция самых разных групп, композиторов и исполнителей – от Баха и Моцарта до «Guns N» Roses' и «Rammstein»... Ни одна мало-мальски интересная композиция не оставалась без его внимания.

С годами он выработал особую технику отбора песен. Прогонка целого альбома отнимала максимум пару минут. Включал первую песню на пять секунд, перещелкивал на следующую. Уже на этом этапе отсеивалась половина – на такой скорости отлично улавливается однообразие. Допустим, на первом треке шло вступление из гитары и ударных, риф на три четверти, гитара с ревером¹

---

¹ Ревер – приспособление для изменения звучания гитары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.